

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М15

Ian McEwan
BLACK DOGS

Copyright © 1992 by Ian McEwan

Перевод с английского *В. Михайлина*

Макьюэн, Иэн.

М15 Черные псы / Иэн Макьюэн; [пер. с англ. В. Ю. Михайлина]. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-101618-0

Метафоричный роман о прошлом и будущем Европы от обладателя Букеровской премии.

Когда-то они были молоды, полны грандиозных идей, и смысл жизни им виделся в очищении человечества от скверны в огне революции. Но зло неуязвимо, если пребывает в надежном прибежище — в человеческом сознании. Сумма несчастий не уменьшится, пока оно обитает там. Без революции во внутреннем мире, сколь угодно долгой, все гигантские планы не имеют никакого смысла. Автор романа дает героине понять это тогда, когда ее вселенная сузилась до стен палаты дома для престарелых.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101618-0

© Михайлин В., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Джону Куку, который тоже их видел

В такие времена я, так сказать,
не знаю, чего я хочу; возможно,
я не хочу того, что знаю,
и хочу того, чего не знаю.

*Марсилио Фичино.
Письмо к Джованни
Кавальканти, ок. 1475 г.*

Уведомление

Населенные пункты, упомянутые в этом романе, соответствуют реальным французским деревням, но связанные с ними персонажи вымышлены полностью и не имеют сходства с реальными людьми, живыми или мертвыми. История мэра и сам образ мэра полностью вымышлены.

И.М.

Введение

Я стал тянуться к чужим родителям с тех самых пор, как, будучи восьми лет от роду, лишился в автомобильной катастрофе своих собственных. Особенно заметно это стало в подростковом возрасте, когда многие из моих приятелей старались отгородиться от семьи и мне удавалось хоть ненадолго занять пустующее место отсутствующего чада. В нашей округе если в чем и не было недостатка, так это в отвергнутых папах и мамах, которые радовались

от всей души, если рядом с ними оказывался хоть один семнадцатилетний индивид, способный оценить по достоинству их шутки, мудрые советы, кулинарные навыки и даже их деньги. При этом и сам я в каком-то смысле был за родителя. Из родных и близких со мной рядом была в те годы сестра Джин, которая вышла замуж за человека по имени Харпер. Брак этот был заключен недавно и разваливался прямо на глазах. Моей протеже и доверенным лицом в этом несчастливом семействе была трехлетняя племянница Салли, единственный ребенок Джин. Буйные ссоры и примирения, которые приливами и отливами окатывали нашу большую квартиру (Джин унаследовала половину семейного имущества, а моей половиной распоряжалась по доверенности), оставляли Салли где-то на обочине. Естественно, что я почувствовал в этом заброшенном ребенке родственную душу, вот мы и отсиживались с ней время от времени с ее игрушками и моими пластинками в большой комнате, выходившей окнами в сад, или в крохотной кухоньке, где мы вынуждены были уединяться в те дни, когда из-за бушевавших в доме диких сцен особо высовываться нам не хотелось.

То, что я заботился о ней, шло мне на пользу — помогало оставаться цивилизованным человеком и заставляло забыть о своих собственных проблемах. Прошло еще двадцать лет, прежде чем я снова испытал такое же уютное чувство, как в те времена. Больше всего я любил вечера, когда Джин и Харпер

выбирались куда-нибудь из дому, особенно летом: я читал Салли вслух, пока она не засыпала, а потом садился делать уроки за большой стол, стоявший возле открытого настежь французского окна, — из сада плыли запахи душистых левкоев и дорожной пыли. Я готовился к экзаменам второго уровня сложности¹ в Бимиш, на Элджин-Кресент, в репетиторской конторе, которая самодовольно именовалась академией. Когда я поднимал голову и сквозь царящий в комнате полумрак оглядывался на Салли — она спала на спине, в мешанине из простыней и игрушек, раскинув по сторонам руки и ноги, в позе, которая мне казалась следствием абсолютно ложного чувства доверия к миру, — меня охватывало дикое и мучительное, будто ножом по сердцу, желание защитить ее, и я уверен, что именно по этой причине у меня теперь четверо собственных детей. На сей счет у меня никогда не было ни малейших сомнений; в некотором роде человек остается сиротой на всю жизнь; забота о детях есть в каком-то смысле забота о самом себе.

Время от времени совершенно внезапно к нам врывалась Джин, влекомая чувством вины или избытком любви после очередного примирения с Харпером, и уволакивала Салли прочь, в свою часть

¹ Так называемый уровень А: экзамены сдаются после шестого класса средней школы (в 18—19 лет), результаты учитываются при поступлении в высшие учебные заведения. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

квартиры, воркуя, тиская ее и шепча ей на ухо бессмысленные обещания. И вот тогда, как правило, спускалась тьма, пустое и гулкое чувство одиночества. Вместо того чтобы слоняться по улицам, как другие подростки, или пялиться в телик, я несся по ночной Лэдброк-Гроув к дому, который на данный момент казался мне самым теплым. Теперь, по прошествии двадцати пяти с лишним лет, в памяти всплывают невзрачные оштукатуренные дома, то облупленные, то безукоризненно чистые, как на Поуис-сквер, и поток насыщенного желтого света из открытой парадной двери, который выхватывает из темноты бледнолицего, уже успевшего вымахать за шесть футов подростка, косолапо шаркающего в своих «челси»¹.

— Ой, добрый вечер, миссис Лэнгли! Извините за беспокойство. А Тоби дома?

Чаще всего Тоби в это время как раз у одной из своих девушек или в пабе с друзьями, и я, бормоча извинения, делаю пару шагов назад, спускаюсь на пару ступенек, но миссис Лэнгли уже окликает меня:

— Джереми, а может быть, ты все-таки зайдешь? Давай-ка, правда заходи. Составишь нам, старым занудам, компанию, пропустим по стаканчику. Том наверняка будет рад тебя видеть.

Дежурные отнекивания — и вот шестифутовый

¹ Модный в 1960-х гг. тип обуви: высокие ботинки с эластичными вставками с внутренней стороны.

дурик уже в доме, и его ведут через холл в большую, заставленную книгами комнату с сирийскими кинжалами, шаманской маской, амазонской духовой трубкой со стрелами, отравленными ядом кураре. Там под лампой у открытого окна сидит сорокатрехлетний отец Тоби и читает в подлиннике Пруста, Фукидида или Гейне. Потом встает и с улыбкой протягивает руку:

— Джереми! Как хорошо, что ты пришел! Давай присоединяйся, наливай себе скотча с водой. Садись, послушай кое-что и скажи, что ты на сей счет думаешь.

И дабы вывести разговор на один из моих экзаменационных предметов (французский, история, английский, латынь), он возвращается на несколько страниц назад, к какому-нибудь зубодробительно закрученному пассажиу из «*A L'ombre des jeunes filles en fleurs*»¹, и я, разрываясь между желанием понравиться и желанием повыпендриваться, с готовностью принимаю вызов. Он добродушно поправляет мои ошибки, потом мы, видимо, все-таки сверимся с английским переводом Скотта-Монкриффа, а затем появится миссис Лэнгли с сэндвичами и чаем, и они начнут расспрашивать меня о Салли и захотят узнать о том, как обстоят дела у Харпера и Джин, которых никогда в глаза не видели.

¹ «Под сенью девушек в цвету» — второй роман М. Пруста из цикла «В поисках утраченного времени».

Том Лэнгли был дипломатом, работал в Форин офис, и его отправили домой, на Уайтхолл¹, после того как он отбыл три срока за рубежом. Бренда Лэнгли управлялась с домом, с их прекрасным домом, и давала уроки игры на клавикордах и фортепьяно. Как и многие другие родители моих соучеников по академии Бимиш, люди они были образованные и состоятельные. У меня же за спиной ни денег, ни книг не было, и потому сочетание это казалось мне изысканным и желанным.

Но Тоби Лэнгли совсем не ценил своих родителей. Воспитанные, любознательные, лишенные предрассудков, они внушали ему скуку, так же как и сам его дом, просторный и опрятный, и детство, проведенное на Ближнем Востоке, в Кении и Венесуэле. К экзаменам он готовился вполсилы и сразу по двум областям знания (математика и гуманитарные дисциплины) и говорил, что вообще не собирается поступать в университет. Друзей он себе старательно отыскивал в новостройках возле Шепердз-Буш и заводить пассий предпочитал среди официанток или продавщиц с огромными «осиными гнездами» на голове. Он встречался с несколькими девушками одновременно, создавая тем самым полную неразбериху и нарываясь на неприятности. Он выработал совершенно дебильную манеру речи, исполненную грамматических неправильностей и проглоченных гласных, которая уже успела войти у

¹ То есть в аппарат Министерства иностранных дел.

него в привычку. Поскольку он был мой друг, говорить ему я ничего не говорил. Впрочем, он и без того прекрасно чувствовал мое неодобрение.

Несмотря на то что я всякий раз использовал один и тот же предлог, заходя в гости именно тогда, когда Тоби не было дома, а миссис Лэнгли с ее неизменным «а может быть, ты все-таки зайдешь?» с готовностью поддерживала этот дипломатический протокол, на Поуис-сквер мне были всегда рады. Иногда меня, как человека, наблюдающего ситуацию со стороны, просили высказать мнение относительно Тоби, который сбился с пути истинного, и тогда я самодовольно и чуть снисходительно принимался разглагольствовать о том, что ему просто нужно «найти себя». Точно так же я прописался и у Сильверсмитов; эти двое — и муж и жена — были психоаналитики неофрейдистского толка, с массой удивительнейших идей насчет секса и с громадным, американских габаритов, холодильником, битком набитым всяческими деликатесами. Их дети, троица законченных раздолбаев-тинейджеров, две девочки и мальчик, воровали в магазинах и шакалили деньги у детишек помладше на Кензал-Райз.

В доме у моего друга и товарища по Бимишу Джозефа Наджента я тоже чувствовал себя вполне уютно. Отец у него был океанограф и организовывал экспедиции по изучению неисследованных участков дна Мирового океана. Мать — известная журналистка, в «Дэйли телеграф» ей даже доверили вести собственную рубрику, однако Джо считал своих

родителей скучнейшими созданиями на свете и предпочитал их обществу компанию парней из Ноттинг-Хилл¹, для которых вершиной человеческого счастья было собраться вечером вместе и полировать сложносоставные фары своих мотороллеров.

И что, все эти родители привлекали меня только потому, что не были моими собственными? При всем желании я не могу утвердительно ответить на этот вопрос, поскольку люди они были просто замечательные сами по себе. Мне с ними было интересно, я многому у них научился. У Лэнгли я узнал о том, как приносят жертвы в Аравийской пустыне, поднатаскался по французскому и по латыни и в первый раз услышал «Гольдберговские вариации» Баха. У Сильверсмитов я внимал историям о полиморфных перверсиях, был заморожен сказками о Доре, Крошке Хансе и Волке-оборотне и вкушал копченую лососину, бублики со сливочным сыром, картофельные оладьи и борщ². У Наджентов Джениет ввела меня в тонкости дела Профьюмо и заставила выучиться скорописи; ее муж однажды изобразил муки человека, страдающего от кессонной болезни. Все эти люди воспринимали меня как взрослого. Они наливали мне выпить, угощали си-

¹ Бедный район в лондонском Вест-Энде, населен по большей части выходцами из бывших британских колоний.

² Перечисленные блюда вписываются в англосаксонское представление о еврейской кухне.

гаретами, интересовались моим мнением. Им всем тогда было немного за сорок, они были толерантны, энергичны, и с ними было легко. Миссис Сильверсмит научила меня играть в теннис. Окажись любая из этих пар моими родителями, мне, я уверен, больше не о чем было бы и мечтать, и если бы мое отношение к ним изменилось, то разве что в лучшую сторону.

Но разве не пытался бы я вырваться на свободу, как прочие подростки, если бы мои собственные родители остались живы? И на этот вопрос я тоже не могу ответить утвердительно. То, чего добивались мои друзья, казалось мне диаметральной противоположностью свободе, мазохистским рывком вниз по социальной лестнице. И напротив, для всего моего поколения, а в особенности для Тоби и Джо, было абсолютно естественно считать мой собственный домашний быт чуть ли не раем земным: вечный бардак, царивший в нашей захламленной квартире, возможность глушить джин с утра пораньше, и моя сногшибательная сестра, которая смолит одну сигарету за другой, этакая копия Джин Харлоу¹, первая среди своих ровесниц вырядившаяся в мини-юбку, и взрослая драма ее зубодробительного замужества, и садист Харпер, любитель кожаных прикидов, с красно-черными задиристыми петухами, вытатуированными на бугристых

¹ Американская киноактриса (наст. имя Харлин Харлоу Карпентер, 1911—1937), секс-символ 1930-х гг.

предплечьях, и никого тебе рядом, кто станет нудить насчет порядка в моей комнате, того, как я одеваюсь, что ем, где бываю, насчет моей учебы, моих планов на будущее или того, все ли у меня в порядке с головой или с зубами. Чего, спрашивается, еще человеку в жизни надо? Вот разве что (при желании могли бы добавить они) сбагрить куда-нибудь этого младенца, который вечно путается под ногами.

Симметрия наших приязней и неприязней доходила до того, что как-то раз зимним вечером Тоби оказался у меня дома, старательно делая вид, что от души оттягивается в леденящем убожестве нашей кухни, покуривая сигареты и пытаюсь глубокомысленными банальностями произвести впечатление на Джин, которая, кстати сказать, искренне его недолюбливала, — а я в это время сидел у него, уютно устроившись перед камином на кожаном диване, в руке у меня согревался налитый его отцом стакан односолодового виски, под ногами (обувь скинута) прекрасный бухарский ковер, который Тоби считал символом культурного насилия, а сам я слушал, как Том Лэнгли рассказывает о смертельно ядовитом пауке и предсмертных конвульсиях некоего третьего секретаря британской миссии, которая буквально только что прибыла в Каракас для установления дипломатических отношений, и при этом с противоположной стороны гостиной сквозь открытые двери до нас доносятся звуки рояля, Бренда играет ритмичный, синкопированный рэгтайм Скотта

Джоплина, которого в те времена только-только открыли заново и еще не успели заиграть до смерти.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что многое из вышеизложенного свидетельствует не в мою пользу, что Тоби, который в совершенно невозможных условиях пытался ухаживать за абсолютно недостижимой для него молодой женщиной, а также его (или Джо, или выводка Сильверсмитов) рейды по окрестностям демонстрируют настоящий вкус к жизни, тогда как страстная одержимость семнадцатилетнего юноши комфортом и поучениями старших свидетельствует о врожденной скудости духа. И в том, что, описывая этот период моей биографии, я подсознательно симитировал не только свой подростковый, высокопарно-иронический строй мыслей, но и ту довольно формализованную, отстраненную и замысловатую манеру речи — прямое следствие спорадического чтения Пруста, — в которой я в те времена изъяснялся, пытаюсь сойти в глазах общественности за интеллектуала. Все, что я могу сказать в защиту моего юного «я»: мне отчаянно недоставало родителей, хотя едва ли в те времена я отдавал себе в этом отчет. Мне приходилось выстраивать вокруг себя оборонительные сооружения. Напыщенность как раз и являлась одним из таких, а другим — мое пижонское неприятие всего того, чем занимались мои друзья и сверстники. Они могли куролесить, сколько им вздумается, поскольку ощущали за спиной надежный тыл, а мне нужен